

НЕДОБИТЫЕ

(Окончание. Начало в №7-8 2025)

ГЛАВА 5. «ИСКРА» И ПЛАМЯ

Нам нужно всё-таки вновь вернуться в дни войны, рассказать о некоторых негромких делах советских бойцов и героях, чьи имена удалось восстановить из прошлого, пройденного, но не забытого.

В первой половине сентября 1943 года по приказу штаба партизанского движения

при Военном совете Воронежского фронта был сформирован отряд «Искра». Партизаны успешно действовали в тылу противника на территории Киевской области. Через полгода приказом командования 2-го Украинского фронта «Искра» была направлена на диверсионные операции в занятую фашистами и бандеровцами Станиславскую (с 1962 года Ивано-Франковскую) область. Командовал отрядом саратовец, лейтенант Георгий Кулагин.

Партизаны пешим порядком перешли линию фронта в районе Богородчан, что в семнадцати километрах юго-западнее бывшего польского королевства Станислав, и вышли в тыл врага. О ходе выполнения задач командир отряда общал по радию. Но недолго. Внезапно связь прекратилась, что внесло беспокойство и тревогу в штаб фронта. Что случилось? Ведь всё, запрашиваемое партизанами, было отправлено самолётом в точно обусловленное место, в точно назначенное время. Так почему же молчит «Искра»?

Как впоследствии выяснилось, самолет У-2, посланный для выброски груза в намеченный район партизанских действий, своё задание выполнил. В полном соответствии с координатами были сброшены питание для радиостанции, топографические карты, продовольствие и другое нужное отряду имущество. Но «Искре» забрать посланное фронтом подкрепление не удалось. Тесно давила блокада гитлеровцев и бандеровцев. Любимец партизан, бесстрашный и самоотверженный лейтенант Кулагин трижды организовывал попытки прорыва, но все они оказались безрезультатными, так плотно охватили кольцом бандеровские шайки все пути отхода яростно ненавидимых ими «ковпаковцев».

И всё-таки зажатая врагом маленькая «Искра» не сдавалась, продолжала сражаться как могла. В том бою осталась навеки девятнадцатилетней медсестра Тамара Яковлевна Белякова, уроженка, по её тогдашним документам, села Верхний Икорец Верхне-Икорецкого сельского совета Бобровского района Воронежской области. До войны, после школы-семилетки, Тамара поступила в педагогическое училище, которое успешно окончила. Мечта сбылась — с дипломом учителя девушка увлечённо вела занятия в младших классах. А когда началась война, решила идти на фронт добровольно.

По пять-шесть месяцев не приходило от неё весточек домой. Потом мама получила коротенькое долгожданное письмецо: «Прости, родная, что не писала, была на боевом задании». Где именно приходилось выполнять боевые задания, какая роль в них отводилась дочери, девушка по вполне понятным соображениям не сообщала. Со второй половины 1944 года писем от Тамары не приходило совсем. Ждали их мама и брат Володя день за днём, неделю за

неделей, месяц за месяцем... Встретили День Победы. А Тамара Белякова, судя по официальным ответам, так и продолжала числиться пропавшей без вести. Пройдут годы, сомкнутся круги десятилетий. Только тогда узнают Беляковы очень далёкое от их родного дома место гибели дочери и сестры. Это чекисты, стремясь быть скрупулёзно точными в расследовании большого и малого, помогут восстановить сквозь призму ушедших десятилетий все подробности того последнего трагического боя...

Отряд «Искра» был окружён в лесном массиве между сёлами Майдан и Слуква. Бойцам противостояло две сотни врагов. Опыт лесных боёв «благодаря» нашим партизанам немцы к тому времени приобрели немалый. Их соединение заученно разделилось на две равные части: одна приступила к методическому прочёсыванию чащи в направлении дорог, другая, рассредоточившись засадами, перекрывала все возможные пути отхода.

Сжались бойцы в кулак вокруг своего командира, за лихость и отвагу носившего дружескую кличку «Жора Золотой». На головных уборах каждого искровца пришита справа налево красная полоска: надо различать своих, если вдруг врежутся в массу отряда бандеровцы. Несмотря на отчаянность положения, ни у кого на лице не прочитаешь ни паники, ни трусости. Бледны, настороженны, но не испуганы, теплится у партизан зыбкая надежда на то, что и в этот раз всё обойдется, уйдут от врага.

Некому тут произносить громкие слова, бойцы сами прекрасно помнят и о присяге, и о клятве на верность Родине. Нужное слово может сказать только командир. Подбадриваемые им, ребята сражались с удвоенной яростью, различая среди наступавших фашистов и патлатых бандеровцев. Но всё же силы противника были подавляющие. От нашего разгромленного отряда осталось только семнадцать бойцов.

Убили фрицы комиссара — Василия Телешко. Никогда не гнушавшиеся мародёрством бандиты сноровисто обшарили его труп и наткнулись на список бойцов рядового и командного состава «Искры». Затаившись в кустах, бандеровцы громко, нарочито гнусаво выкрикивали фамилии наших бойцов, живых и павших, развлекаясь тем, что кто-то из них же, бандитов, каждый раз отвечал «по-русски»: «Здесь!»

Тамара Белякова старалась далеко не отходить от заболевшего накануне боя малярией начальника штаба Сергея Артамонова. Угрозило же его, синеглазого спортсмена — здоровяка родом с Тамбовщины, схватить опасную хворь. Начальник штаба бредил. В минуты просветления резко вскидывался, хватался за оружие. А Тамара кусала губы от беспомощности: на нехватку медикаментов в походной аптечке грех было жаловаться, разных лекарств доставало. Но вот хины — ни грамма. Только и могла девушка в секундные передышки прикладывать платок к потному лбу Артамонова да ещё всовывала сквозь его плотно сжатые зубы противовоспалительную таблетку.

«Искра», маленькая бесстрашная искорка погибала, но не сдавалась. Бил смертельными для врага рваными очередями установленный на сошках пулемёт Дегтярёва. Пусть разрозненно, а всё же резали по фашистам автоматные, винтовочные и пистолетные выстрелы. Одна из трёх отрядных санитарок, маленькая и ловкая, как акробатка, Ольга забралась повыше на густую ель. Чтобы не сорваться, пристегнулась к дереву широким ремнём. За густыми ветками — хорошим прикрытием — высмотрела цель — фашистского офицера — и, по-снайперски точно, выстрелом прямо в лоб, свалила его наповал. По-детски вскинула руки, ликуя от удачи, да так и повисла на дереве, изрешеченная десятками вражеских пуль.

Командир отряда Георгий Кулагин, смертельно раненный в живот, слабел от потери крови до сплошных чёрных кругов под глазами. В затмевющей взгляд дымке он всё же сумел различить двух набегавших бандитов. Поймал на мушку и не выпустил одного из них. А второй через мгновение навис рядом, пытаясь захватить командира живым, как было приказано боевикам в начале операции. Но последняя пуля, выпущенная Кулагиным себе в висок, не дала врагам возможности поглумиться над советским командиром.

Бой стих. Бандеровцы оттащили от Артамонова убитую Тамару Белякову, а умирающего начальника штаба понесли на плащ-палатке к своим главарям, угодливо подхихикивающим немцам после благополучно завершившейся для них схватки. Среди скудных трофеев боевики обнаружили полевую сумку командир-

ского образца, принадлежавшую Кулагину. Вытащили сшитый суровыми нитками блокнот, испещрённый карандашными записями. Выбрав удобный пенёк, Ярый устроился на нём, внимательно вчитываясь в потёртые от времени строки походного дневника Кулагина — боевого командира, окончившего краткосрочные офицерские курсы, не дававшие, естественно, широкого образования. Потому с грамотностью у Георгия было не всё в порядке, над чем и похмыкивал даже грамотный недавний директор книжного магазина Ярый.

«По заданию правительства отправляемся на передовую, — косо-криво записывал Кулагин, трясаясь, видимо, в вагоне товарняка на разбитых стыках военной железной дороги. — Всё время едем весело, с аккордеоном и хорошим настроением. Как-то радостно встретиться с людьми новыми и незнакомой природой.

— **24 апреля.** Наша разведка с начальником штаба наскочила на засаду мадьяр. Одного мои бойцы убили, двоих ранили, взяли хороший трофей — пулемёт. В тот же день при выходе из поста на диверсию наткнулись на дозор бандер. Поймали всех троих, обезоружили, поговорили с ними и отпустили (это была политика), чтобы передали там своим — сдавайтесь.

— **25 апреля.** Бой с бандеровцами. Результат: у них два ранено, три убито, забрали мы одного коня и лагерь со всем имуществом, наших потерь нет. А бандеры, я теперь понял, открытого боя не выдерживают, они мастера из засады нападать, а ещё на раненых и безоружных, настоящие бандиты!

— **2 мая.** Отказала походная рация, и похоронили мы пожилого воронежца Фёдора Ивановича Марчука под Грабовкой. Я у него учился хладнокровию, никогда не теряться. Бесстрашный был солдат, троих уложил, и если бы не граната...

— **9 мая.** В 10 вечера пущен под откос немецкий эшелон, шедший с Долины с живой силой, а главное, с техникой — танками. Убито до 45 немцев, выведено из строя семь танков...»

Это была последняя запись Жоры Золотого. Не мог знать лейтенант Кулагин, что жить ему остаётся совсем немного. Что ещё целый год отделяет бои Красной армии в Прикарпатье от полной победы над фашизмом и водружения победного знамени над поверженным Берли-

ном. Что дневник советского героя-офицера прочитают враги. Но прочитают и потомки, за свободу и счастье которых командир «Искры» сражался как настоящий патриот, до последнего патрона.

Не знал. Но верен был солдатской присяге и воинской клятве до конца. Потому на него, даже мёртвого, с такой ненавистью и одновременно с нескрываемым любопытством долго смотрел главарь банды.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ БОЁВОК СБ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУШСКОГО ОКРУГА

Боевик обязан

Иметь при себе шнурок, чтобы при необходимости связать арестованного. Следить за каждым движением арестованного, чтобы он не набросился на боевика и не убежал. За освобождение арестованного из-под стражи боевик карается расстрелом. Во время дежурства возле арестованного не разрешается спать. Всё время оружие держать наготове.

Ответственность и дисциплина

За незначительные проступки — стойка, марш, голодовка. За дезертирство, присвоение себе вещей без разрешения руководителя, за невыполнение приказа — расстрел.

Что боевик должен иметь при себе

Короткое автоматическое оружие, пистолет и две гранаты, штык или кинжал и два метра шнура. Обмундирование: гражданскую и военную одежду, сапоги и ботинки, три пары белья, кроме того, вещмешок, одеяло, палатку, часы и прибор для бритья.

ГЛАВА 6.

«ЗНОВУ БУЙНО КВИТНЕ «ЧЕРЕМШИНА»

Ночь, плотная и густая, как ковдра, которой занавешивают с вечера окна в хатах, висит над селом. Ни звука, ни — боронь боже! — огонька. Кругом всё как вымерло. Собаки и те не брешут, перестреляли их фашисты и бандеровцы, мешают псы-добряги этим двуногим злым псам творить чёрные дела. Лишь узенький серпик бледного месяца освещает краешек неба.

Крадучись, вышагивает по сельской улице небольшой отряд. Ведёт его невысокий, крепкий мужчина в гражданском пальто польского покроя. На голове — чёрная суконная кепка, на ногах — поношенные цивильные ботинки. Под пальто — френч с накладными карманами, из-под него топорщатся бутылками брюки-галифе. Обычное одеяние военного начальника среднего звена. Через плечо командира дулом вниз свисает советский пистолет-пулемёт с ободранным прикладом, что свидетельствует: оружие успело побывать в разных боях. За пояс брюк главного заткнут немецкий парабеллум. Попробуй разберись в этой шараде, узнай по внешнему виду, какую власть представляет собой этот человек и его сопровождающие.

У приземистого домика близ школы, утонувшего в июльских цветах — мальвах и левкоях, вишнях и молодых яблоньках, старший вполголоса командует: «Стой!» — и пяток шаг в шаг ступающих следом за ним вооружённых людей тотчас замирает. Даже дыхания их не слышно, словно вместе с командой испарилась жизнь из каждого.

Командир, вытерев тыльной стороной ладони пот под кепкой, негромко, но требовательно стучит пистолетным патроном по стеклу.

— Кто там? — всматриваясь в ночную мглу, принимает к окну лицо пожилого человека.

— Свои, Владимир Васильевич, НКВД, откройте.

Старенький директор сельской школы Владимир Васильевич Шуляр, прежде чем скинуть запоры с входных дверей, остановился, вопрошительно оглянулся на жену. Она неуверенно пожала плечами, но шепнула: «Вроде бы свои, открой!» Внук Шуляров, десятилетний Любомир, сладко спал в комнате-боковушке, ничего не слыша.

— Доброй вечери, хозяева! — не снимая кепки, поклонился от порога вошедший. — Лампу попрошу не зажигать, ни к чему. Мне с вами, Владимир Васильевич, надо поговорить доверительно, с глазу на глаз, без посторонних. Если можно, побыстрее, пожалуйста, время не ждёт.

Жена директора, поняв, кому адресован намёк, бесшумно поднялась с низенького стульчика и вышла за дверь. Пересев на её место, в теньку от подслеповатого каганца сторону,

гость, якобы машинально, ненароком, распахнул полу своего пальто. Так, чтобы лучше было видно даже человеку со слабым зрением полувоенный френч и галифе с малиновыми прожилками — обычную униформу советских работников и милицмейских начальников той поры.

Гость ещё раз извинился за позднее вторжение, сославшись на проклятую службу, не дающую покоя ни себе, ни людям, ни днём, ни ночью.

— И всё из-за этих бандюг-песиголовцев, чтоб им пусто было! — как близкому товарищу жаловался майор НКВД Шуляр, располагая к себе тёплыми нотками в голосе и честным, открытым взглядом, лишь чуток скрадываемым чернильной темнотой.

Доверчивый старик — учитель сочувственно покивал головой: «Действительно, нет никому покоя, вы правы. Всё им, катам, мало крови людской, когда уже только насытятся?»

— Да-да... Скажите, Владимир Васильевич, как в ваших Чигринцах настроение земляков, для нас это очень важно. Не запугали их часом бандиты, верят люди в победу, ведь война идёт к концу...

— Сложный вопрос, при всей его простоте, шановный добродию?..

— Можете просто — товарищ майор.

— ... товарищ майор. Как и во все времена, люди встречаются разные и ведут себя все по-разному. В селе Чигринцы — и это уже не в первый раз — пастуха силой в банду волокли. Он сопротивлялся, жинка мужа защищала, так они и его, и её измордовали так, что по всей хате, простите, кровавые сопли летали. А в Перегинцах живёт семья Винников, может, знали его? Он до войны в рабкопе работал заготовителем, так у того оба сына пошли в банду лисовым братьям помогать. Да и сам Винник не особо скрывает, что он связной с лисовиками, харчи и одежду им поставляет. А жена его, Олена Фёдоровна, это ж только подумать — до войны членом райкома была — не постеснялась дочкам своим отдать бельё с убитых советских девчат-парашютисток. А оба сына их уже не Иван и Фёдор, а на бандитское псевдо перешли, не знаю, взяли себе сами чи дали им там, в боёвке, собачьи клички: «Бобик» и «Лыс».

— М-да, — вновь горестно приплямкнул губами майор. — Вот вам и Винник, бывший депутат сельского исполкома, продажная душонка, трясца его маме. Но ничего, люди всё видят, за всё запроданцам счёт предъявят.

Майор помолчал. Как бы отвечая собственным невесёлым мыслям, покачал головой — укоризненно и скорбно. И всё на той же располагающей к откровенности тихой, доверительной ноте шепнул, зачем-то оглядываясь на дверь: «А о польской семье Завадских ничего не знаете, где они, бедолаги, их же надо спасать...»

Шуляр встрепенулсь было, но, чуточку поразмыслив, пожал плечами: «Пробачьте, не знаю. Слышал тоже, что они скрываются где-то от расправы, но где именно — сказать не берусь, не знаю».

Человек деликатный, он засмутился от того, что не был до конца искренен с представителем власти. У позднего пришельца такая, на самом деле, клятая служба, что врагу не пожелаешь — сутками быть на ногах, не знать покоя — а он смолчал. Но как он мог говорить о несчастных беженцах даже офицеру НКВД, если командир партизанского отряда, бывший первый секретарь райкома, навестивший его не далее как вчера вечером, строго-настрого запретил ни с кем, нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах не делиться сведениями о поляках, польских коммунистах. «Ещё раз повторяю, Владимир Васильевич, нигде, никогда, ни с кем!!!»

Как из обиняков понял Шуляр, муж и жена Завадские — не просто семья, если семья вообще, а радиоразведчики, заброшенные в Прикарпатье с мощной рацией и шифрами. Через них, видать, шла очень большая работа, коль такие люди интересуются их положением, их состоянием...

И Шуляру жалко стало понурившегося офицера, человека, видать, честного, справедливого, поборника правды. Он открыл уже рот, пытаясь поделиться с гостем хотя бы крохами ему известного, но тут в комнату к беседующим заглянула чем-то встревоженная жена: «Володя, может, вам разогреть поесть? Я борщичок на загнетку поставлю? Иду?»

— Что? Куда иду? — резко вскинулся вдруг о чём-то задумавшийся майор. — А, нет, нет, ничего не надо, мы уже уходим, и вам пора отдыхать.

Проследив за плотным прикрытием двери, майор совсем вплотную приблизился к директору школы, перейдя на заговорщицкий шёпот: «Вы вот что... О «Черемшине» располагаете хотя бы какими-то сведениями?»

— У-у, этот зверюга! — обхватив седую голову руками, не столько сказал, сколько простонал директор. — Вот кто оборотень ненасытный, вы же лучше меня знаете, что он в нашем краю творит... И совершенно безнаказанно! Тут у него везде осведомители, при первой же опасности предупреждают, и он исчезает бесследно, и не только сам, а и с ядром банды, там у него человек восемьдесят... Всех за собой не таскает, попробуй прокорми такую свору... А ночлег, а вдруг окажутся раненные? Нет, обязательно надо сюда ещё «ястребков» подослать, раздавить эту гадину! Он же садист, садист законченный, — нервно ходил по тесной комнатке Владимир Васильевич. — Банда его нападает только на отставших, больных, раненых красноармейцев. Магазины разоряет, на молокопункт вот недавно напали, потом на леспромхоз. Хитрый жук! В Калушском районе горстку румын пьяных обстрелял, а слух пустил, вроде немцам бой устроил... Вояка! Как же... Спиймалы брата моей жинки, Михайлу, той тильки-тильки корову продал, гроши для хворой доньки збирал, усе вытащили з кишени, ще й в хату до нього прыбиглы, облигации забрали, новые брюки, документы якись. Диты плачуть, Галька чорна вся стала, а и доси нияких следов о муже в неї нема... Винник по пьянке сказал: «Більше не шукай, не знайдеш». И пальцами своими жирными на небеса показал... «Черемшиной» матери теперь детей пугают, как серым волком...

— Угу, — приподнимаясь с поскрипывающего стульчика, неопределённо протянул майор. — Понятно. И вдруг стреляющим голосом не сказал, а спросил, допросил: «А сам-то ты Черемшину видел?»

Озадаченный внезапным переходом с вежливого «вы» на беспардонное «ты», пожилой учитель с упрёком вскинул близорукие глаза на ночного визитёра. Да так и застыл, увидев нацеленное на него пистолетное дуло, вмиг поняв, кто это злобно посверкивает «звирячими» очами.

— Пальто накиньте на себя, пан Шуляр, и тихонечко за мной, — свистящим шёпотом распорядился «майор». — А если, проше пана, хоть слово по дороге гавкнете — улетите туда, куда ваш родич Михайло Дзюба улетел...

Трое бандитов, привалившись к двери, с ухмылками слушали крики, но не выпускали из спальни рвущуюся на помощь мужу жену. Черемшина притворно вздохнул: «Вот же глупая женщина, внучка своего заикой оставит...» Боевики по команде главного подтащили из прихожей крепкий дубовый стол и прижали им дверь, добавив ещё для прочности и шкафчик.

Всё та же безмолвная глухая ночь обливала село. Но когда вооружённая группа проходила узким боковым переулочком, один из них и в слепящей темноте смог различить в проломе плетня чью-то худенькую фигурку. Ещё секунда — и быть бы ей впечатанной в землю от хорошо поставленного упреждающего удара Бурового. Да, благо, послышался знакомый девичий голосок. Кто? Как? Черемшина едва ли не вздрогнул от неожиданности: — Магда. Марта! Как ты здесь очутилась, как ты нас нашла?

Магда не стала ни оправдываться, ни объясняться. Схватив горячими своими ладошками холодные руки главаря, она повисла на них, будто останавливала вскинутое дуло автомата. «Друже провидный, я вас умоляю, я вас на коленях прошу, не чипайте пана директора, не вбивайте его, будьте ж настолько лаской, пане референт, риднесенький!»

— Что ты такая глупая? — удивлённый горячим девичьим порывом в защиту не своей, а чужой жизни, провёл жёсткой ладонью по мягким волосам Магды главарь боёвки.

Пропустив впереди себя сообщников, Ярый (а это был, конечно, он) положил машинистке руку на плечо.

— Шоб ты знала и помнила, Магда! В том, что натворили у нас Советы, вот такие Шуляры больше всего виноваты. Они детей не грамоте учили, а сталинскому воспитанию, зрозумила? Это самые страшные враги — идеологические враги, от них вся большевистская крамола, вся эта красная зараза к нам поползла. Таким Шулярам нет места на земле. А теперь геть звидсь, ночуй сегодня в своей хате.

Банда ушла. А Магда глухо рыдала, привалившись к плетню. Перед глазами девушки

стоял оживлённый, нарядный, в гуцульской вышитой сорочке Владимир Васильевич таким, каким он был в её школе на выпускном вечере.

Пройдясь со всеми девчонками по очереди в круге вальса, директор подвёл тогда Магду к счастливым родителям, склонившись, поцеловал маме руку и от души пожелал: «Везите свою отличницу во Львов, в университет. Не сомневайтесь, она поступит: прирождённый математик! А к нам вернётся с дипломом, будет детей наших учить».

«Ваша ведь ученица, шановный Владимир Васильевич!» — почтительно кланялись директору по очереди то папа, то матинка.

«Всё! Уничтожат директора эти звери, и я ничего не могу сделать, ничем не могу помочь», — рыдала на безлюдной ночной тропе опустошённая Магда.

А самодовольный Черемшина, вышагивая в это время в хвосте своего отряда, уже напрочь позабыл о ней и думал о том, как добавить бы ещё десяток букив интенданту Виннику за его непомерно длинный язык. Хай только он вернётся в боёвку, когда справится с заданием по картошке. Представив предстоящую картину в подробностях, Черемшина даже подхихикнул от премилого удовольствия. И сам повеселится, созерцая наказание этого жирного хробака Винника, и боеварей развеселит гарной гайдамацкой справой. Эх, был бы ещё Савка рядом, — как лёгкое облачко мелькает и тут же пропадает в голове Черемшины мимолётное воспоминание о былом своём дружке... Как они тогда славно поиграли, всласть повеселились с теми москальками-парашютистками, затаскивая их по одной в сарай, на «операционный стол». Сильные попались девки, натренированные, одну из них втроём пришлось раздевать и душить, отбивалась, как тигрица, даже со скрученными руками...

Подозвав Буревую, Черемшина буркнул ему на ходу несколько слов, и тот, послушно кивнув, тут же помчался выполнять приказ.

На выходе из села, поравнявшись с заброшенным колодцем, Буревой окликнул трясущегося от страха Николая Поречного. Передал ему свой обрез: «Подержи!», а сам, в мгновение ока заткнув Шуляру рот учительским же картузом, крикнул, приподнимая над землёй обмякшее тело директора школы, и с силой швырнул

его головой вниз, в самую глубь подгнившего деревянного сруба.

Мрачно, одномоментно плеснулась и быстро успокоилась, сомкнув круги, заплесневелая колодезная вода. Угрюмо отвёл взгляд от места преступления безучастный к людским бедам и горестям осколок луны — рудовато-жёлтый месяц. Что ему закоренелый бандюга Буревой, поспешающий к атаману с докладом о выполнении поручения, что ему скорчившийся в три погибели Колька Поречный, выблёвывающий страх и ужас после свершившейся жуткой казни, что ему пан референт, с его пританцовывающей походкой уже почти достигший леса? Прислушаться — услышишь: он ещё и песню себе под нос мурлычет, как раз про месяц. «Мисяць на неби, зироньки сяють, тихо по морю човен плыве...» Почему ты не падёшь ему на голову, месяц?

ГЛАВА 7. ОТ АВТОРА

Эсэсовские бонзы в своей главной берлинской квартире гестапо — на Кёнигзалле, 11 — провозгласили всякого рода убийство естественным орудием войны. И деловито, масштабно строили планы ликвидации и миллионов людей, и отдельных, наиболее выдающихся личностей. В частности, глав государств дружественной Советскому Союзу антигитлеровской коалиции — британца Уинстона Черчилля, самого ненавистного гестапо человека — француза де Голля, президента Чехословакии Эдварда Бенеша...

Все замыслы неуклонно упирались в один исходный момент: для реального осуществления намеченного нужны хорошо подготовленные кадры, нужны надёжные, преданные идеям арийцев до молодых ногтей исполнители. Нет, не зря формирования националистов всех мастей и внутри Германии, и извне опекал лично министр внутренних дел рейха, рейхсфюрер Гиммлер — фанатичный философ нацизма, основатель теории «чистой крови», объявивший, что шпионаж есть священный долг каждого немца. Ни больше ни меньше — долг!

И десятки тысяч немецких мальчиков и девочек стали доносчиками — в первую очередь на тех, кто ближе, на своих родителей. Взрослые

дяди их поощряли за это — и не только подбадривающими словами да сладкими конфетами. Самых лучших, самых старательных «стукачей» ещё с отрочества примечала, привчала и селекционировала по различным профилям и отраслям имперская разведка.

Подобными методами действовала (и действует в наши дни!) идеологическая бандеровщина. Чтобы втянуть в свои ряды как можно больше молодёжи, подрайонные, надрайонные и районные референты прибегали к типично фашистским трюкам, не признавая никаких моральных норм и правил, откровенно пренебрегая ими. Стали, например, внушать юношам, преимущественно малограмотным, что их ждёт благородная борьба за «Вильну Украину» не только с большевиками, но и... с немцами. По замыслу бандеровских диктаторов Украинская Соборная Держава должна была стать самостийной, независимой и включать в свой состав все западные и восточные земли Украины, а также Закарпатскую Украину, независимо от того, что исторически принадлежало Польше, а что — Венгрии. Об этом проповедовали с церковных амвонов в храмах попы-униаты, послушные жрецы Степана Бандеры, об этом втолковывали эмиссары УПА в частных беседах с населением. И об этом же читались лекции и доклады в ходе «политических занятий» на боёвках.

«Украинская Соборная Держава всегда принадлежала и должна принадлежать только нам, щирым украинцам, а не схиднякам (восточникам), москалям и иноземцам», — надрывались бандеровские ораторы, заставляя подчинённых повторять следом за ними и разносить по всему свету лживые утверждения. Ирония судьбы, но и поныне, в наступившей четверти XXI века, есть ещё те, кто верит в эти байки, не зная искусственного — с лёгкой руки Ульянова-Ленина — создания Украины как государства.

Организация украинских националистов находится в оппозиции к Германии, а Украинская повстанческая армия ведёт борьбу и против Советов, и против немцев, — усердно распускали слухи сами фашистские разведчики. А почему бы и нет, коль это политически выгодно и выигрышно? Некому было задуматься над тем, что ни о какой «оппозиции» по-настоящему не велось и речи у фашистских холуёв — бан-

деровцев, вообще, и шефов кровавой службы безопасности Луцкого, Арсенича — сына зажиточного кулака, в частности, потому что слуги питались-то кормом с фашистского корыта. А гитлеровцы кормили только верноподданных вассалов, а не каких-то там оппозиционеров. Ещё чего! Кто бы им, «идейным», позволил жить среди нацистов и кто бы их стал терпеть в гитлеровском воинстве?

Глубинная суть трюка с «оппозицией» раскрывается в том, что сама Украинская повстанческая армия была создана по указанию и с помощью хозяев из фашистского абвера и СД. Причём костяк этой «освободительной» армии составляли отнюдь не добровольцы и даже не одурманенная призывами, угрозами и охмурённая плотной липкой униатской патокой, застилавшей всю Галицию и Западную Волынь, молодёжь, а достаточно напратиковавшиеся в Польше, Белоруссии и в той же Галиции каратели из бывшего полицейского «шуцманшафт—батальона 201». Того самого батальона смерти, который в составе дивизии «Нахтигаль» безжалостно истреблял партизан и мирное население на территории СССР.

Когда нет фактов в пользу некой освободительной миссии, когда нет на этот счёт никаких убедительных аргументов, пафосная хвала ведётся отнюдь не качеством, а только количеством. Та же насильная мобилизация западно-украинской молодёжи в качестве ландскнехтов и плебеев всячески поощрялась издававшейся с первого года войны газетёнкой националистов «Українськи щоденні висті» («Украинские ежедневные известия»). Из номера в номер лился в ней зефир Гитлеру и гитлеровскому режиму. На фашизм работало, причём с небывалым усердием, и многочисленное духовенство униатского монашеского ордена Святого Василиана, имевшего свою агентуру практически везде, где были верующие, во всех районах и сёлах. Это была неимоверная идеологическая сила, капитально влияющая на религиозное сельское и городское население.

Осеняя своих проповедников-униатов на эти «божьи» дела, отчаянно ярый враг Советской власти, в то время 78-летний главный пастырь — митрополит Андрей Шептицкий призывал в духе геббельсовской пропаганды меньше задумываться над голосом совести, больше пом-

нить о победе над ненавистным врагом в лице Советов.

Непосредственно на Станиславщине боевики, в том числе и «Чёрные черти», получали благословение от такого же бандита в епископской мантии Хомишина. А освящал отправку бандеровского пополнения на верную службу Третьему рейху ещё один «проповедник» — главный капеллан знакомой уже нам дивизии «СС Галичина» Лаба, являвшийся членом военной управы и главным викарием этой дивизии. Так что красноречивая подобралась «оппозиция».

Постоянно царившая в оуновской среде обстановка вражды, взаимных обвинений, сведения личных счетов, торгов между участниками, физические расправы диктовали боёвкам соответствующую стратегию: хочешь быть в чести и фаворе у своего руководства — убивай «неверных»! Убивай их всех подряд. Вот и убивали, применяя зверские пытки и издевательства во время допросов даже безоружных людей. Какая разница, коль такой стиль приветствуется и поощряется руководством.

Тот же Ярый в часы идеологической обработки пулемётчика Поречного называл главными врагами украинского народа большевиков, поляков, евреев, русских и немцев. То есть все кругом враги, бей всех подряд — будешь победителем. Только вот немцев бандеровцы не били почему-то. Предпочитали красноармейцев, но не из регулярных частей, а таких, как те несчастные пленные, отбившиеся от преследования охраны лагеря, но так и не сумевшие примкнуть к своим.

Подвиги пленных — патриотов Родины — и со временем не тускнеют. Есть возможность сегодня назвать имена мучеников, не склонившихся перед врагом, не дрогнувших перед страшными пытками. Все из группы пленных были ранены в бою, только потому и оказались в руках у фашистов. Едва-едва окрепнув, бежали из немецкого лагеря в городе Стрый. Искали и никак не находили связи с местным партизанским отрядом, о котором слышали до побега. Судьба троих так до конца и осталась неизвестна. А вот установленные имена: Савин Сергей, Фёдор Гаврилович Сазонов, Гаврила Филиппович Субботин, Иван Данилович Носенков, Василий Леонтьевич Роман, Григорий

Андреевич Чубенко, Василий Семёнович Панов, Магомед Абдрашитов, Михаил Гаврилович Мироненков.

Понадобятся колоссальные усилия следователей, чекистов, экспертов-криминалистов, чтобы снять наслоения времени. Потребуется во имя истины и стопроцентной доказательности найти и опросить сотни людей, менявших по разным причинам адреса и фамилии, живущих в маленьких и больших городах, сёлах, посёлках, аулах, станицах, словом, везде, от Москвы до Магадана, от Ленинграда до Дагестана. Потребуется произвести с помощью специалистов осложнённую истёкшими десятилетиями эксгумацию — тщательнейшую экспертизу по установлению останков бойцов, чтобы предельно точно выяснить данные о павших.

Сличались уцелевшие протоколы допросов Ярого, 903-го, с показаниями тех людей, кто видел тогда пленных, кого бандеровцы заставляли — без огласки, иначе смерть — перевозить на своих телегах трупы и хоронить убитых, кто запомнил одиночные и массовые места захоронений. Живые, передавая устные рассказы о былом из рода в род, всё помнят. Память человеческая неистребима, нельзя сомневаться в этом.

Совсем немного мы знаем подробностей о безжалостно замученных бандеровцами людях. Известно точно: умирали они не с мольбой о пощаде, не выклинивая жизнь, а с проклятиями палачам.

Фёдор Гаврилович Сазонов родом из Краснодарского края, 1909 года рождения. Был человек спокойный, выдержанный. До войны работал трактористом, разъездным механиком. В двадцать лет в результате несчастного случая лишился левого глаза, был вставлен протез. Из-за потери зрения в армию его не брали. Но он всё же сумел добиться своего — ушёл на фронт добровольцем и воевал с беспримерным мужеством и отвагой.

О Гавриле Филипповиче Субботине известно лишь, что он был 1903 года рождения.

Ещё известно, что один из военнопленных был учёный. Не Савин ли? О нём Буревой, щеголяя своей осведомлённостью, со значени-ем говорил тогда поварихе, а уже та — Магде: «Большую рыбу взяли. Но ершистый попался карась, никак его не разговорим».

А девушка, забившись подальше в свой угол, отведённый ей в закутке в домике, вновь вспоминала школьный выпускной вечер. Фотографирование по очереди всех ребят и девочек, а потом — общий снимок выпускного класса приглашённым по торжественному случаю разъездным фотографом. Разудалые звуки баяна, задорные песни, добрые напутствия принаряженного директора школы, давшего вместе с учителями путёвку в жизнь стольким своим воспитанникам... И мученически погибшего от рук садистов. Отплатили такие, как Савка, «ученички» за уроки доброты и душевности. Отплатили по-своему, как присуще всем иудам.

Расстреливали, вешали, топили в колодцах. Писателя-публициста Ярослава Галана, разоблачавшего суть и существо бандеровщины, зарубили гуцульскими топорами в его львовской квартире. Гиммлер мог быть доволен!

ГЛАВА 8. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Поречный внимательно присматривался к жизни боёвки. А боевики незаметно и неоступно оценивали каждый шаг, каждое слово и каждый поступок «Задерихвоста». Структура боевых подразделений бандеровских формирований сложности не представляла: рой — отделение, чета — взвод, сотня — рота, курень — батальон. Дисциплина поддерживалась вовсе не инструкциями и наставлениями, а палочным страхом и, для показухи, муштрой на глазах проверяющего начальства. Вдали же от глаз высоких заправил боевики творили что хотели, обоснованно полагая, что никто жаловаться на них не пойдёт. Куда идти-то? До начальства далеко, а до Бога высоко, вот и молись тут Богу, авось пожалеет. Боёвка Ярого пополнялась осколками банд, разгромленных наступающими частями Красной армии. К «Чёрным чертям» добавились пять власовцев, уцелевших после разгрома их полка и быстро сменивших после этого форму продажного войска РОА — Российской освободительной армии — на разношёрстное одеяние, позволенное носить лесным братьям. Щедрый на выдумки Ярый дал вынужденному пополнению клички на выбор, кому-то прозаические, а

кому-то бессовестно перекликающиеся с именами героев украинского фольклора.

Один из новобранцев банды — толстогубый «Нечай» — после первой же пьянки во всеуслышание начал хвалиться тем, что на его личном счету свыше ста жертв. Ярый грубо одёрнул болтливого не в меру боевика. Но для себя зарубку на память о его художествах оставил. А вскоре смог лично убедиться, что не трепался Нечай, живописуя свои «подвиги». Садистом продажный власовец оказался не хуже Ярого. Когда во время проведения очередной засады против советских разведчиков был схвачен тяжело раненный боец, Нечай, облизываясь от предвкушения развлечения, подозвал Бурового. Вдвоём они за руки, за ноги подхватили, раскачали молоденького солдата и по команде Нечая с силой ударили несчастного о каменистую почву. Боец и не дёрнулся, остался лежать на земле с лицом, залитым кровью и неловко подвернувшейся ногой. Как раз в это время туда, к железнодорожной насыпи, где протекала скоротечная расправа, подъехали четыре закамуфлированные немецкие легковые машины. Поречный, поняв, что подкатило высокое начальство (следом шли два броневики сопровождения), спрятался от греха подальше в цветущую пшеницу. Фрицы, среди которых особо выделялся один шустрик с фотоаппаратом на груди, окружили «младших братьев», хлопали их по плечам, смеялись, оживлённо переговаривались с бандитами, радушно протягивая им пачки сигарет.

Шустрик с фотоаппаратом, забегая то слева, то справа, без устали снимал на плёнку Бурового и Нечая, картинно поставивших свои грязные, запylённые чёботы на тело бездыханного бойца. Буровой в лающей чужеземной мове смог различить лишь одно известное ему слово «цайтунг». И догадался: с фотоаппаратом носится корреспондент какой-то немецкой газеты. А Нечай, ровным счётом ничего не понимая, лишь согласно кивал головой и лъстиво улыбался всеильным для него хозяевам. Ярый немного встревожился. Почтительно приблизился к старшему, представился, чем вызвал уважительное «О-о!» немецкого командира, отметившего правильное произношение референта. Ярый намекнул: дескать, по правилам внутренней конспирации не стоило бы снимать для га-

зеты его боевиков, нам, дескать, и так хватает уважения германского командования, а газетная реклама ни к чему, как бы ещё не навредила святому делу борьбы с большевиками.

Немец пожал плечами, но сказал, что подумает над просьбой «герр Ярлрли». И ослабившись, как павиан, напоследок снисходительно похлопал референта по плечу: «Данке шён, ауфвидерзеен!» Машины укатали, обдав лесовиков едким дымом. И не донесли до пятнистых автомобилей отборные пожелания «герра Ярлрли» и его прихлебателей в адрес слуг вермахта. Ярый распорядился обыскать убитых, хотя и без его команды бандиты уже успели обшарить все бездыханные тела. Никакие увещевания в приказах и инструкциях никогда не могли остановить мародёров. Знали они, что выпускаются запрещения лишь для проформы, для призрачного оправдания перед «громадой», в смысле — населением: дескать, высшее командование ни при чём, грабежи — местная самодеятельность, за что будем наказывать. Ага! Как же. Наказывайте.

Вам, в главном проводе, легко приказывать, когда вы объедаетесь и опиваетесь тем, что мы в боях добыли. А нам, в лесах и схронах, что теперь, подышать с голоду? Серый волк кусок свинины не принесёт, своей добычей не поделится, за каждым куском мяса нужно побегать, попотеть, а то и пострелять.

Впрочем, не так уж и потели лесные братья, отработав технологию грабежей до автоматизма. Несёт сельский мужик в мешке мирно похрюкивающую свинку, удачно купленную на соседнем хуторе, идёт и тихо радуется. Как вот они, трое, наперерез: стой! Истошно вопящую добычу всё в том же хозяйском мешке отправляют в лес, а ты, вуйко, иди себе, иди и не оглядывайся, да благодари бога, что живым остался.

Если налёт проводился в селе, то такая же хавронья попадёт под гуцульский топор или остро заточенный штык в первой попавшейся хате. В один миг свинью заколют, быстро на соломе опалят, готовую тушу разрубят, разрежут на части, самые лакомые куски возьмут с собой, а остатки побросают ограбленным: «Шо смачнише, то нам, захисныкам ридной неньки, а це вам, йиште! Да не вздумайте пикнуть, мы тут недалеко, вернёмся...»

И оставались на долю обиженных, униженных крестьян только глухие проклятья разбойникам, которым нет возможности отомстить, и сдавленный женский плач. Даже не плач, а стон обворованных женщин, не знающих, чем теперь они будут кормить свою семью, мужа, детей. Опять жить впроголодь?

Но до улёпётывающих из села «чёрных чертей» эти стенания не доносятся. А хотя бы и услышали — не отозвались, разве что посмеялись бы над глупыми бабами, которым знай одно: выть да причитать. А вот нехай ваши мужья да сынки идут к нам, в боёвку, голодными не будут. И вам перепадёт. Нет, не пускаете? Ну и... Поиски пропитания уводили боеварей в соседние населённые пункты, подальше от своей основной базы. Нередко они попадали в места, уже контролируемые Советской властью. Но и тут, хотя на каждом шагу трусливо озирались, не могли устоять перед насилием: харчи заполучали с боем.

В одном из таких дальних рейдов лесовики разглядели на узкоколейке паровоз с прицепленным к нему вагоном. Осмотрели, проверили всё кругом — жидкая охрана, всего два пожилых мужика, вооружённые чуть ли не берданками. Решили остановить локомотив, пожить продовольствием, на которое у боеварей всегда было отменное чутьё. По команде Ярого выскочили из-за елей и, потрясая автоматами, нацеленными на машиниста и его помощника, приказали тормозить.

Оказалось, и правда, в вагоне лежали продукты для рабочих, занятых заготовкой леса. Банда ликовала: схватили то, что надо! Ярый, лично проводивший операцию, велел перегрузить на телегу Винника бочку мармелада и бочонок подсолнечного масла, хлеб, мясо. Командовал при этом на чистом польском языке: пусть ограбленные обратят зло своё и ненависть на «пшечков». Бандеровцам это ох как будет на руку!

Машинисту паровоза на прощание насовали тумачков, но не очень, так, чтобы синяки были видны, а сам мог держаться. Потом приказали трогать по курсу. Предупредили: если спросят, кто налетел, говори — польские партизаны. Потрясённый налётом, молодой машинист молчал, затравленно смотрел на грабителей. Выведи на расстрел они его сейчас — не про-

молвил бы и слова; гораздо больше собственной смерти страшило его предстоящее появление перед изголодавшимися людьми с пустыми руками. Что он им скажет, как объяснит, что не мог противостоять один, безоружный, своре песиголовцев, схожей с волчьей стаей.

Банду Ярого в тот день ждала двойная удача. Верные информаторы — Винник и Опришко — промышлявшие картофельными заготовками, случайно наткнулись на склад райпотребсоюза, откуда сторож при появлении боевиков бежал как заяц, не оглядываясь. Примчавшиеся по «штафете» боевари жадно хапали всё, что под руку попадёт: кожаные заготовки на сапоги, большие, по сто штук в каждой, пачки папирос, мотки полотна, суконные картузы, слипшиеся в несурзные комки конфеты-подушечки. Как это часто стало происходить за последнее время, поровну поделить награбленное барахло мародёры не смогли. Скорые до грабежей власовцы, бесцеремонно оттеснив «правообладателей», заграбастали себе добра намного больше. На все уговоры интенданта боёвки разложить добычу равными долями, чтобы никто не был в обиде, отвечали чёрным матом. Тогда боевари не выдержали. Первым Буревой, плюнув на жилистые свои кулаки, заехал Нечаю от души, прямо в нос.

Губастый громила оторопело мазнул пятерней по лицу, проверяя, правда ли расквашен румпель? А убедившись, что это в самом деле кровь его, а не водица, по-бурлацки ответил секретарю референта горбатым кулаком своим, как пудовой гирей, точно под глаз. Пошёл отчаянный мордобой! Власовцы, увидев вскоре преимущество лесовиков в живой силе и технике, поняли, что дело плохо, и со страху защёлкали затворами. Но тут вмешался в гущу оскаленных бандюг Ярый. А жаль. Хотя бы на одного-двух ублюдков, а очистилась бы земля-страдалица.

Главарь, изрыгая мат, орудовал рукояткой парабеллума налево и направо, разгоняя сучью свору мародёров. В другом случае он и сам мог бы спровоцировать кровавое побоище «ридных хуторян» — западенцев — с «наглыми москалями», то бишь с теми же власовцами. Но не сейчас, когда впору каждый штык и ни единой боевой единицы нельзя терять. А потому — кончай базар, уходим!

Чтобы запутать следы, скрыться от усиленных отрядов «ястребков», целеустремлённо устраивающих неожиданные облавы, банда кружила по Станиславщине днями и ночами, то отдаляясь, то возвращаясь в «свою» зону. И везде выискивали боевари тех, кто был на стороне Советов, депутатов, комсомольцев, активистов, независимо от того, большую или малую они проявляли активность. Главное — «запроданец большевикам», и этого достаточно, чтобы сфабриковать обвинение. Если подлинного активиста найти не удавалось, делали «агентом» органов безопасности просто не понравившегося чем-то местного жителя, не слушая ни оправданий, ни доводов. И тогда, упиваясь властью насилия, боевари тащили обречённого на муки на дощатый пол хуторского сарая.

Там, в зловещей штаб-квартире, референт, пощипывая усики и поигрывая шнурочком, решал, как быть с пленником. Нет, не о том, чтобы даровать жизнь узнику, болела голова у Ярого. Ещё чего! Попался — возврата нет. Атаман раздумывал над тем, кому поручить очередную ликвидацию арестованного и как её оригинальнее провести. Если не убивал сам, то поручал своим верноподданным, на любителя. Так были убиты депутаты сельсоветов Васкевич и Мельничук, хотя и депутатами-то они пробыли считанные месяцы, даже не успев разобраться в своей новой роли. Но дело ли до этого заносчивому референту, поборнику святой соборной Украины?

«А нащо давалы красным згоду?» — зачем, дескать, соглашались идти в активисты? — упрямо гнул своё Ярый. И повторял как заклинание одно: за помощь большевикам — смерть!

Звериные законы диктовали звериное поведение (хотя приходится задуматься, а вправду ли поступают так звери?). Жену сельсоветчика Тымчука убили только за то, что мужу при нападении бандеровцев удалось скрыться, чудом вырваться и убежать в лес. Подручные Ярого искать его не стали. Для острастки поорали, постреляли вслед, пригрозили лютой карой, если не вернётся. И устроили эту кару. Нечай и Буревой затащили обессиленную Галину в сарай на её же подворье, а подглядывавшие в щёлки остальные участники облавы вождёленно ухмылялись, наблюдая, что там происходит,

и слюну глотали, надеясь, что им тоже сладкое перепадёт...

Чернее вороньего крыла стал Тымчук, услышав от людей о гнусной расправе над его женой. Оставил хату и детишек на попечение стариков родителей, а сам подался в «ястребки», в решето превращая взятых на засадах лесных бандитов. Но банда Яркого продолжала верить в свою безнаказанность и скрытно вела террор, не ослабляя численности. С харчами пока перебоев не предвиделось, Винник исправно обеспечивал пропитание. Где не мог взять заготовки лично — наводил лесовиков. Те в облюбованные хаты врываются для пущего устрашения то поздней ночью, то под утро с диким рёвом, визгом, матом. Выгоняли взашей хозяев, «до рычажки» нажирались дармовщиной, напивались, а потом распахивали мешки и закидывали в чувалы всё подряд, всё, что есть, чего недобрали, ничем не пренебрегая и не брезгуя. Полнились замусоленные торбы надкусенными огурчиками, хлебом да салом, надкусанными варёными яичками, отломанными кусками пирогов. С тем и убирались в лес.

Информаторы потом сообщали, какая реакция селян была на их набег, кто особенно изощрялся, проклиная лесных разбойников. Таких Ярый самолично брал на заметку для разбирательства при следующем визите. Пыхтел, но безропотно продолжал добывать банде прокорм Леонтий Винник. Обязанности связанного после гибели Савки Ярый возложил на Буревоего, которому поручалось пробираться в главный провод с очередной засургучованной «штафетой» — пакетом с особым донесением. И взамен доставлять оттуда нужную информацию.

Вообще, бандеровская практика породила негласное правило: служи сразу нескольким хозяевам, сам будешь цел, невредим, а там ещё и обломится жирный кусок — то ли от временно квартирующей фашистской части, то ли от своего главного провода ОУН.

Ярый завоёвывал авторитет у хозяев испытанным способом — бандитскими вылазками. Особенно по душе приходилось ему проведение крупномасштабных операций, когда перед ним стоял не привычный десяток-другой постоянных боевкарей, а развёртывалась полная

сотня. Так было, когда главный провод передал приказ выступить и разгромить мадьярский обоз. Стрельцы ходили без вина хмельные от радости: такие будут трофеи!

За одну ночь сумели подтянуть всю сотню, расположились в жиденьком кустарнике, пусть и неважный оказался естественный заслон, зато ближе к дороге. С помощью искусственной маскировки — перестановки кустов и веток, бандитский табор под вечер подобрался почти вплотную к беспечно отдыхавшему обозу: даже положенное охранение не выставили горе-вояки.

Ярый, хищно вытягивая голову, самолично провёл рекогносцировку местности, убедился в преимуществе своей позиции. И удалецки свистнул, поднимая боёвку в бой. Нечёсанные, грязные, вонючие, заросшие бородами и усами бандюги с пальбой, гиканьем, рёвом, улюлюканьем кинулись с трёх сторон на застигнутых врасплох мадьяр. Никто из них не ушёл.

Референт сиял в ореоле успеха. Сумели его хлопцы захватить хорошие трофеи — разное продовольствие, новое оружие, боеприпасы, обувь, обмундирование, медикаменты. Из главного провода незамедлительно прибыл сам пан Скала с личной «подякой» (благодарностью) от руководства ОУН. И долго в тот вечер шушукался он с Ярым, обсуждая условия поведения в чрезвычайных обстоятельствах и знакомя с инструкциями провода на сей счет.

Точно таким же сияющим Поречный увидел Яркого ещё раз, когда к главарю боёвки привели наконец поляков Завадских — как оказалось, не мужа и жену, а брата и сестру, Яна и Брониславу. Никаких не радистов, обычных людей. Как удалось? Невдалеке от заимки лесничего — отца Магды — боевкари, командовал которыми Буревой, присматривали схроны для передислокации боёвки. И лицом к лицу вышли на Завадских, которые по проклятой случайности в этот же час уходили в надёжное место перепрятываться. Лесничий бесшумно отпрянул за куст и исчез в густых зарослях бересклета, его бандиты и не рассмотрели как следует. Для острастки только постреляли вслед в разных направлениях. Но прожившего свой век в лесу человека, тем более в минуту смертельной опасности, не так-то просто задержать даже поднатюрившим в лесных погонях боевкарям.

Успел лесничий Пётр Барвенчук вовремя добраться до своей избёнки и увести как можно дальше целую кучу — пятерых малолетних детишек Завадских. Знал лесничий, что ни Ян, ни Бронислава ни под какими пытками не выдадут ни его, ни место нахождения своих малышей. И всё же... Всё же считал Петр Андреевич, что у Карпатских предгорий, там, где живёт его сестра, ребятишкам будет спокойнее. До самого прихода красноармейцев ничто не будет им угрожать.

Людям непосвящённым думается, что лесники живут полностью изолированные от окружающего их за грядой деревьев мира. На самом-то деле новости они узнают не позже, а порой и раньше других. Знал Пётр Барвенчук, что части Красной армии, начавшие освобождение Станиславщины с Городёнок, двигаются теперь в направлении Коломыи и Косога. Значит, подбираются уже сюда, ближе к его краям, выбивать из лесов бандитскую нечисть.

Беженцев сестра лесничего приютила без лишних слов. А они — тихенькие, как мышата, от постоянного опасения быть обнаруженными, печальные от длительной разлуки со своими родными папой и мамой, молча размещались, кучкуясь в тесноватой хатёнке Олеси Барвенчук, работавшей смотрительницей глухого железнодорожного переезда...

Когда вели лесом связанных прочными шнурами Завадских, Буревой специально прошёл мимо сторожевого поста, зная, что сегодня в дозоре Задерживост — Поречный. Пыхнув ему в лицо махорочным дымом, секретарь референта подмигнул: «Ну, вояка, с бабами дело имел?» Поречный — насупленный, обозлённый на себя и на весь белый свет, раздражённо отмахнулся: «Чего тебе-то? Проходи!»

Шагавший следом за Буревым Нечай сплюнул: «Во, дурак! Мы для него хотели полячке юбку задрать, порадовал бы её на прощанье, а он выкобенивается, хрен моржовый!» Ещё раз сплюнул и подтолкнул пленных в спину, давай, мол, вперёд.

Ярый встретил долгожданных гостей умиротворённым: только что связной боёвки Волос доставил долгожданную депешу о назначении 903-го руководителем службы безопасности всего Калушского окружного провода. Вознёсшийся на заветную высоту референт пожелал

отметить своё повышение подобающим образом: пьянкой-гулянкой до умопомрачения, а потом развлечением с пленными, беглецами-полячишками, так долго заставлявшими его нервничать и трудиться, изыскивая варианты поимки обоих. А потом — вновь хорошая пьянка и похмелье.

Но надо же было такому случиться: на редкость прекрасно сложившийся день к вечеру омрачило появление... жены. Через все кордоны и заставы пришла к нему на боёвку законная супруга, разгневанная Катруся. И в сарай к нему влетела она со скандалом, разметая со стола бумаги как мусор.

— Ты куда пропал на целый год, добрый чоловіче? Может, тут уже себе голубку нашёл, а про жену и дочку навсегда забыл?

Ярый постучал пальцем по голове: совсем, дескать, крыша поехала, орёшь тут, как в своей хате. Катерина только махнула рукой — пусть все слушают, кому интересно, мне бояться некого. И продолжила душевные излияния.

— Я всем пастухам твою фотокарточку показывала, когда в Чёрный лес добиралась, никто тебя не узнаёт, никто мне помочь не мог, одно сердце вело. Хороший у меня муж, ничего не скажешь! Нацепил на себя десять пукалок, ходит по ночам, людей лякает, что ты там творишь со своими патлатыми, а? Ты вообще домой думаешь возвращаться или навсегда остаёшься тут в лесу? Мне что своим баткам сказать? И что сказать нашей доньке, что нет у неё больше папы?

Ярый, раздосадованный вконец внезапной помехой — повариха и Марта готовили на кухне роскошный ужин, Буревой разливал принесённый Винником самогон — зашипел на жену, одёргивая ее: «Ты чего тут орёшь, зла мне хочешь? Если кто-нибудь донесёт начальству, что ты сюда через все посты прошла, мне же головы не сносить!»

— А мне плевать на твоё начальство с высокой горы, — с непререкаемой женской логикой объявила Катруся. — Я к мужу пришла, мне муж нужен, а дытыне — отец. Если хочешь с нами жить — сейчас же возвращайся, пусть за твои посты у других голова болит, у тебя тут байбаков крутится много. А ты давай собирай манатки, и пойдём домой, я одна не уйду, хватит, находилась.

Сказав так, супруга референта подомашнему уселась на стоящую у стены лавку (знала бы она, для какой цели служит эта лавка!), скинула на пол сбитые старенькие туфли, устало вытянула ноги, забрызганные росой и заляпанные жидкой грязью.

— Помыться где тут можно у тебя? Ни помыться, ни поесть, ни поспать после такой дороги жене своей не предлагает! Совсем ты, Ярослав, одичал в лесу.

Что он мог возразить любой своей Катрусе по девичьей фамилии Пташник? Катрусе, с которой когда-то, в детстве и юности, жил на одной улице, тесно дружил с её братом, с которой перед самой войной обвенчался в церкви законным браком и которая родила ему дочку — Наталку.

— Ты вот что. Посиди здесь, а я пойду органирую тебе отдых...

Но жена, вспомнив ещё что-то, вновь подбежала к столу поближе.

— Мне люди рассказывали, что ты тут несчастных поляков мучаешь? Отпусти их, Ярослав, слышишь? Докажи людям, что ты не вокулака, пусть о тебе больше так не говорят. Отпустишь?

— Ладно, посмотрим, — примирительно обхватил жену за плечи Ярый. — Посиди пока здесь, пойду я, отпущу их и тебе воды-еды органирую, скажу, чтобы как в львовском ресторане, помнишь? — всё сюда доставили.

Вонзив ногти в ладони, чтобы унять охвативший его гнев, референт быстро вышел, почти выбежал из сарая и помчался к лесной сторожке, где находились арестованные Ян и Бронислава Завадские. Руками, ногами подняв с пола обоих, он сам приступил к обыску. Вытащил из кармана пиджака мужчины деньги, пересчитал, там было шестьсот марок,

— Откуда деньги? — поднял он глаза на Яна.

— Люди продали нашу тёлочку, передали деньги.

— Кто конкретно продавал, кто и откуда эти люди?

Молчит Ян, молчит Бронислава. Знают, погибнут. Но ни за что не выдадут добрых людей, спасших от расправы их малюток, оставшихся теперь совсем одними.

А Ярого распирает, раздирает, душит злость. Столько месяцев выслеживать, вылавливать

двух полячишек, и когда наконец стало возможно рассчитаться с ними за все перенесенные хлопоты, а у бабы этой вон какие толстые ляжки и какие сладкие сиськи, и вся она какая тугая, как кочан капусты, — разве можно сразу такую в расход пускать? Да она и меня, и половину боёвки, соколов моих ублажит! — тут появляется незваная Катруся и ломает все планы.

— Щенят своих ты куда попрятала, а, сучка? — больно прихватив клешнями женщину за груди, тащит её ближе к себе Ярый, распаясь от желания тут же повалить пленницу на пол. И чёрт с ними обоими — и с ней, и с её братом, пытающимся освободить руки от верёвок и крутящимся при этом всем туловищем. Ну, покрутись, покрутись, гадёныш. Ещё никому не удавалось выскользнуть из шнуров боевика, мои хлопцы работают по науке!

Женщина плачет, но не говорит ни слова. А обессиленный тщетными попытками высвободиться, Ян презрительно кричит референту: «Сам ты пёс, пся крев, сын собаки!» Откинувшись к стене, он набирает слюны как можно больше и плюёт новоиспечённому большому начальнику в распаренную от злости физиономию. Ярый беспомощно ахает — проклятый день, всё одно к одному — и, матерясь последними словами, сдирает с лица липкую слюну, одновременно хлеща свободной рукой и Яна, и Брониславу по лицу, по плечам, по спине, куда ни попадя.

— Эй! — выглянув из сторожки, подзывает Ярый покуривающего неподалеку секретаря. — Там моя дура притопала, ты её определи к Марте. А не захочет — скажи, нехай катится отсюда, как и пришла. Скажи, меня срочно отправили на бой с венгерскими солдатами, я потом сам к ней привалю. Если сильно упрётся — не гони, пусть сидит и ждёт, пока не... — остальное он договаривает грязным-прегрязным матом.

— Эй, ты! — машет Ярый любезничающему с поварихой Нечаю. — Бери моток дроту (колючей проволоки), давай за мной, живо! Забежав в хозяйственную пристройку, Нечай цепляет на винтовочный штык моток колючей проволоки, недоумевая, зачем, для какой цели он ему понадобится. Забор, что ли, обтягивать? Так его нет тут, забора, в лесу

изгороди не ставят. Чудит что-то друже провидных.

Между тем разъярённый Ярый, накиннув пленникам мешки на голову, уводил их в глубь Чёрного леса, к заболоченному Суржанскому озеру. Остановился на самом краю, где за обрывом с противным клёкотом, пожабы вспучивали чёрную и зелёную поверхность клокочущие роднички водоворотов. Колючей проволокой, услужливо поданной растерянным и малость перепуганным Нечаем, Ярый опоясал поверх верёвок и Яна, и Брониславу. Приподняв мешок, плюнул Яну в лицо, а женщину изо всей силы ударил в спину так, что она со смертельным хрипом рухнула на колени. Загремели пистолетные выстрелы. И ещё две жертвы внёс на свой чёрный счет Ярый. Коротышка с усиками «бланже», широкой щёлкой между передними зубами и жгуче-чёрными сверлящими глазами.

НКВД. Совершенно секретно.

Словесный портрет по розыску особо опасного преступника Ляхно Ярослава Трофимовича (он же Ярый, он же...):

Рост — низкий (155-157 см)

Фигура — худощавая

Плечи — опущенные

Шея — длинная, заметен зоб

Цвет волос — чёрные, зачёсаны назад, слева с проседью

Лицо — треугольное

Дополнительные данные к словесному портрету:

Спинка носа — вогнутая, основание носа — приподнятое

Рот — малый, углы рта опущены

Губы — тонкие, небольшое отвисание нижней губы

Подбородок — с поперечной бороздой

Уши — малые, круглые, оттопыренность общая. Мочка уха сросшаяся

Особые приметы: особые приметы будут переданы дополнительно.

ГЛАВА 9. АРЕСТ

У помощника начальника следственного отдела НКВД города Львова Радионова на-

строение всю неделю было превосходное. Во-первых, на новой, не совсем привычной после фронта оперативной работе всё наконец с прежде корявыми сотрудниками сладилось, по-товарищески уладилось, дела пошли как по маслу. Вот и сегодня утром, при проверке документов в подозрительном, а потому находившимся под наружным наблюдением доме на улице Селянской, 25, был обнаружен и задержан нелегально проживавший гражданин, на первом же допросе признавшийся в участии в бандеровской боёвке «Юнаки» («Юноши»). Пусть теперь не колют Радионову глаза молодостью да неопытностью в деле сыска. Ещё посмотрим, кто будет учить некоторых штатских — фронтовая разведка, им представляемая, или наоборот. Пока, по крайней мере, он себя ниже других, тут работающих, не чувствует и врага умеет распознать сразу. Чутьё есть чутьё!

Во-вторых, с Оленькой накануне вечером на квартире Радионова состоялось наконец решающее объяснение, закончившееся такими неожиданно бурными ласками дотоле неприступной, как утёс, подруги, что старший лейтенант и до сих пор отказывался верить происшедшему. Ольга согласна стать его женой! И теперь нужно хлопотать о свадьбе, собирать друзей; новые наваливаются заботы — не тягостные, приятные, хотя и не простые.

Эх, ёлки-моталки! Приедут, сядут за праздничный стол ребята, с которыми в училище трескал осточертевшую перловку-«шрапнель» из одного котелка, с которыми ползал по мхам и болотам в разведывательных поисках, смертельно опасных, откуда очень часто не возвращаются... А вот ему, Радионову, повезло. Приедут на свадьбу мама, братишка, он их не видел тысячу лет. Поднимут друзья бокалы за отца всех народов, потом за их с Оленькой счастье, за победный май 45-го, встречали который совсем недавно, полгода назад. Сколько будет воспоминаний, сколько славных минут подарит только-только начинающаяся послевоенная жизнь!

Но прочь, прочь, товарищ старший лейтенант, эти вызывающие невольную улыбку нежные мысли о девушке Оле и сверстниках-соратниках. Сейчас к тебе в кабинет конвой введёт врага, и не должно быть ни уголка в твоём сознании, в твоём сердце и на твоём лице,

куда могли бы просочиться отвлекающие, мешающие главному делу праздные мысли.

— Слушайте внимательно, я зачитаю протокол обыска, если что не так — скажете, — сухо и требовательно объявляет задержанному старший лейтенант Радионов.

И таким же сухим, официальным тоном вслух оглашает, что им, совместно со старшиной — фотодактилоскопистом Кругловым в городе Львове на улице Селянской, 25, в доме гражданина Грабчука был задержан для выяснения личности и состава преступления гражданин, при обыске которого обнаружено и изъято...

Строго посмотрев на сидящего перед ним черноволосого мужчину лет тридцати пяти, следователь перечисляет изъятые вещи. Паспорт на имя Опришко Ивана Фёдоровича за номером 276, военный билет со свидетельством об освобождении от воинской обязанности, справок разных четыре штуки, небольшой альбом с семейными фотографиями. Никакого иного лично ему, Опришко, принадлежащего имущества в доме не обнаружено. Иван Фёдорович беспрекословно, с готовностью школьника-отличника подтвердил точность сделанной в протоколе записи и подпись свою поставил хотя и неумело (видать, грамотёнки-то не очень, — подумалось Радионову), но быстренько, где ему было указано.

Своими спокойными и откровенными действиями Опришко вызывал если не симпатию (какая может быть симпатия к подозреваемому?), то уж наверняка некоторое расположение молоденького офицера, вроде как по годам — ровесника. Радионов, конечно, не мог заглянуть в потайные мысли своего визави, а то бы с ужасом для себя прочитал: «Зелень ты гусиная, хорошо, что именно ты мне попался. Старайся, раскалывай, я всё подпишу, скорее бы только на кичу, а там-то уж меня точно не сыщут».

Возвращаясь в камеру, Ярый (а это был он) продолжал свой негласный монолог. «Личное имущество найти хотели у Грабчука в доме. Дураки! Нет, москаляка, моё имущество находится да-алеко отсюда, в таких местах, куда кроме меня никто не ходил и не пройдёт. Даже Катруся ничего не знает. Зачем? Сегодня она мне жинка, а завтра? Всякое может быть, наведет ещё этих тонкошеих оперов, и всё то, что копил, что насбирал за войну, а там золотишка и камешков

драгоценных немало, от всего останется только дым. А мне ещё жить надо и думать надо, куда подаваться после освобождения. Так что у Грабчука я ничего лишнего держать не стал, кроме тех документов, что взяли».

Тогда же, на допросе, в ноябре 1945 года, пока следователь изучал липовую справку сельрады (сельского совета) о том, что гражданин Опришко Иван Фёдорович — выходец из бедняков, беспартийный, малограмотный, что и подтверждает сельская рада, задержанный писал автобиографию. Писал, нарочно ошибаясь, зачёркивал, виновато всхлипывал носом, просил, сто раз извиняясь, у следователя новый лист бумаги. Наконец «написюкал».

«Я, Опришко Иван Фёдорович, родился в 1910 году в селе Семикивцы в семье крестьянина-бедняка Опришко Фёдора Николаевича. Походил в начальную школу, потом бросил, бо треба було допомагати батькам и работать. В 1939 году после воссоединения Западной Украины в состав СССР меня хотели послать учиться на курсах бухгалтеров, и я желал приносить как можно больше пользы своему народу. Шестимесячные курсы были в городе Станиславе. Но учиться мне, малограмотному, было очень трудно, бо я арифметику знал плохо и...»

Ярый, задумавшись (что сочинять-то дальше?), постучал пером-уточкой по тяжёлой стеклянной чернильнице-непроливайке, старательно очищая от фиолетовых нитей школьную ручку. И краем глаза, вроде как безразлично, ненароком чиркнул взглядом по лейтенанту. Тот строго вглядывался в ложную справку сельрады и что-то заносил в лежащий перед ним блокнот. Ярый понял: готовится ловить его на каких-то несуразностях этот зелёный огурец. Навряд ли что-то нужное он выудит: бумагу загодя и по всем правилам подготовил и переправил Ярому родной брат Леонтия Винника, бывшего харчового боёвки. Правда, не сразу голова сельрады (председатель сельского совета) отважился на такой «подвиг». Что ж, пришлось через верных людей рассказать брату Винника, чем для него лично может обернуться непослушание. Коль щедро навешивает ОСО — Особое совещание при министре госбезопасности — сроки бандеровцам: и по 10, и по 15, и по 20, и по 25 рокив, пусть не надеется советский работник

Антон Винник на милость, своё тоже получит в полной мере за пособничество бандитам. Антон Гаврилович оказался такой же трусоватый, как и Леонтий, его младший брат. Привёз Антон во Львов нужные документы на убитого в перестрелке с «ястребками» Опришко, скреплённые подписями и печатями, как на живого. Да ещё на всякий случай кое-какие другие справки сунул, лишь бы больше его, Антоху, не тревожили. Что же! Погуляй, отдохни пока, вуйко. А понадобится — вновь найдём тебя, куда ты денешься?

Но ладно. Сейчас надо свою игру играть, спокойно, не переигрывая, без нажима. На миг и совершенно некстати всплыли перед Ярым его строгие учителя из Краковского гестапо с их надменными мордами и костистыми пальцами, которыми стучали по лбу, если косячил... Но тут же, отогнав предательские воспоминания, он продолжил дачу требуемых показаний.

«...я стал работать в дорожном управлении на разных специальностях. На фронт меня не взяли по болезни, о чём прилагаю справку сельрады. Я в годы войны занимался крестьянским трудом, работал на разных работах в своём селе и по найму в соседних сёлах. В марте 1943 года из села, где я тогда жил, меня под угрозой смерти забрал в свою боёвку станичный села Пустошь Федорив Стефан Тимкович.

«Всё верно пока, молодец, — нахваливает себя, тупо высунув язык (знает, что лейтенантик тоже наблюдает за ним), Ярый. — Пусть они теперь попробуют перепроверить, разыскать Федорива, когда Стефановы косточки сгнили в дорогивском лесу, где их боёвку в пух и прах раздолбали обозлённые своими потерями ковапаквцы. Косоротый, перегнувшийся, на поваленном бревне лежал тогда Федорив, исходя кровью. Сам, грешник, при жизни не одну большевистскую душу на тот свет отправил. Но и его кара Господня не миновала, полиз на драбыни в ад, бо в раю йому немає миста (полез по лестнице в ад, потому что в раю нет ему места)».

«...он пришёл ко мне в дом, наставил немецкий автомат и приказал сейчас же идти за ним, иначе убьёт родителей и всю мою семью вместе со мной, а дом спалит. Я после этого дал согласие...»

«И тут ты не придерёшься к моей баечке, — чистит перо о край чернильницы Ярый. — Я же

знаю, вы, Советы, с пониманием относитесь к местному населению, запуганному тремя годами фашистской оккупации и бандеровского террора. Значит, всё правильно: меня бандиты запугали, повели под ружьём к себе в лес...»

«Взял я с собой те вещи, что наказал Федорив, и двое повели меня в лес, где передали в сотню «Черника». Там я сразу был предупреждён, чтобы забыл свою фамилию и имя, а отвечал только на имя (у них это называется «псевдо») «Рыбак». Я тогда был зачислен рядовым (стрельцом) третьей четы. А командовал этой четой Беспризорный. Он выдал мне винтовку немецкого образца и к ней пятьдесят патронов. Шесть недель я проходил обучение — это маршировка, приёмы ружейного и рукопашного боя, выход одному из строя и уметь охранять лагерь. Я назначался охранять лагерь, где располагалась боёвка. Ещё меня учили на занятиях наступать, находиться в обороне, проходили там стрельбу и другую боевую подготовку. В этой боёвке я был до июня 1944 года. Меня в бой не посылали, а назначили харчевым, то есть интендантом у Беспризорного.

Ярый призадумался: «Что ещё придумать поправдивее?» Решил и, так же старательно мусоля языком губы, вывел: «Потом я сильно заболел животом и по болезни был отпущен домой».

Старший лейтенант Радионов, конечно же, обратил внимание на затяжные паузы в написании задержанным собственной биографии, которую, по его убеждению, каждый человек должен знать как дважды два. Взял листок у Ярого, хмуро процедив: «Почитаем, что вы тут так долго вспоминали».

Пробежал глазами листок, затем резко стукнул ладошкой по столу:

— Неправда, Опришко, вы были в банде до конца 1944 года, и не харчевым, а роевым у Беспризорного.

«Опришко» заморгал глазами, пытаясь изобразить растерянность, беспомощность, испуг перед таким «высоким» чином, как следователь. А в голове стучало молоточками радостное: «Ни черта, щенок, не знает, только на пушку берёт. Какой там я роевой, когда...»

— Не знаю, чем поклясться, гражданин следователь. Да вы спросите у самого Федорива, ваши хлопцы наверняка взяли его, он скажет,

стрелял я из своей винтовки по людям чи не стрелял. И спросите в моём селе у Оксентия и Дзвоника (Скуба хорошо знал, что эти оба выродка были убиты вместе с Опришко, когда лесной бивак окружил красноармейский истребительный батальон). Чистую правду вам говорю. Ушёл я из банды, когда увидел, как они над людьми издеваются: троих ни за что расстреляли на горке, билиа рички (около реки), с них кровь ручьём в речку текла. А меня заставили закапывать, рвало меня тогда и рвало.

Ярый непритворно смахнул слезу и всхлипнул.

— Я в тот же вечер удрал от них, сидел в бункере — это заброшенный погреб, всю семью свою увёл туда.

Радионов суровее сдвинул брови и вернул Ярому листок, бросив: «Продолжайте запись, поподробнее и абсолютно правдиво. Учтите, всё до слова будем перепроверять за вами!»

«Вместе с Оксентием Слободаном, 36 лет, и Михаилом Дзвоником, 38 лет, я решил уйти из банды. По дороге из леса мы потеряли друг друга. Я добрался до своего села, взял семью, и мы той же ночью ушли прятаться в бункер, то есть брошенный погреб, где когда-то стоял дом моих родителей. Когда в наше село пришли Советы, я как раз находился на чердаке своего дома, где отбирал вещи, чтобы взять их в бункер от сырости. Я услышал голоса военных, сам спустился с чердака и сдался».

Свыше четырёх часов продолжался допрос «Опришко». Отвечал он следователю с готовностью, всем видом изображая искреннее раскаяние, стремление чем только может помочь правосудию установить правду. На глазах у нечестивца, играющего роль кающегося грешника, то и дело вспыхивали слёзы, а голос без конца вибрировал и дрожал. Ярый даже пару раз кратко всплакнул, потом чуть ли не зарыдал, отчаянно переходя в своей исповеди с русского на украинский язык. Будь перед ним следователь опытнее, хотя бы просто постарше возрастом — выявились бы накладки в «правдивом» рассказе «обманутого» сельского парубка-дурачка, в образ которого усиленно пытался вписаться «Опришко». Но неискушённому в палаческих делах бандеровцев Радионову, вчерашнему окопнику-фронтовику, и в голову не могла прийти инквизиторская сущность

его ровесника, отделённого от следователя письменным столом. К тому же боевому офицеру малость льстила учтивость, вежливость, с которой держался перед ним одуроченный, как он начинал думать, парень, силой втянутый в бандеровское формирование «Юнаки». Но допрос всё же есть допрос!

— Почему сами не пришли к нам с повинной, как другие?

— Боялся, что бандиты уничтожат меня и всю мою семью.

— Знаете ли вы бандитов с кличками Мытор и Резун?

— Лично я не знал ни того, ни другого, только слышал в боёвке о Резуне. А сотня Черника, куда меня определили, входила в курень Мытора, но я его тоже ни разу не видел.

Абсолютно грамотно, с канцелярскими завитушками (за высокую грамотность и ценный почерк и взяли его в отдел), выводил сотрудник следственного аппарата показания Ярого — отъявленного бандита, садиста и предателя. Так и появились в уголовном деле поверхностные, непроверенные выводы: руководящее положение в Организации украинских националистов не занимал, в банде находился считанные месяцы, хотя фактически «стаж» предводителя боевиков исчислялся годами, в боевых столкновениях не участвовал. Что наплёл следователю изощрённый злодей, то и записал дознаватель. А потом задумался: кого судить? Насильственно мобилизованного бандой сельского жителя, вся вина которого состояла лишь в том, что он ходил с винтовкой на охрану своего лагеря?

Чем дольше размышлял Радионов над тощей папочкой, где аккуратно были подшиты все относящиеся к делу бумаги, тем больше убеждался, что неопровержимых улик для серьёзного предъявления обвинения собрано крайне мало. Тогда что же, отпускать задержанного, извинившись перед ним за беспокойство? Нельзя! Ни в коем случае! Опришко — Радионов и неопытным нюхом своим чувствовал — что-то недоговаривает, вину свою признаёт, но как-то так, плутовато, не до конца.

И Радионов, вняв совету напарника по отделу, решил с новым допросом не торопиться, подождать, пока подследственный потомится, помается наедине со своими думами и вспомнит нечто более интересное.

Но подчинённые, как известно, предполагают, а начальство располагает. Радионов и думать не мог, сколько ещё новых уголовных дел подвоят ему в последующие дни и недели. И сколько запутанных клубков придётся распутывать куда как по более громким «справам», чем «Юнаки». Когда уж там было всерьёз заниматься этим сельским недотёпой Иваном Опришко!

Массовые операции, которые проводил на Львовщине партийно-советский актив с помощью истребительных батальонов (ястребков) и местных жителей, вели к новым и новым поимкам бандеровцев. Были выявлены и предстали перед обвинением участники охраны районного провода. Все эти законченные бандиты с кличками-псевдонимами «Дуб», «Хорт», «Орлик», «Чумак», «Калина» держались нагло, развязно, далеко не в пример благостному и почтительному «Рыбаку» — Опришко. Полный контраст.

Радионов, задёрганный многочасовыми допросами бандитов, порой срывался, переходил на крик, стучал кулаком по столу. Отведённое на расследование преступлений время уплывало с бешеной скоростью, рабочий день порой длился по пятнадцать часов, переходил в ночь, и всё равно времени не хватало.

О личной жизни приходилось забывать. Хорошо хоть умница Олечка понимала его состояние и ласково прощала ставшие абсолютно редкими уже даже не свидания, а краткие явки с повинной, — как она шутила, — старшего лейтенанта Радионова. Невеста понимала, а начальство? Радионов, убеждаясь в том, что не успевает завершить расследование в установленные сроки, через своего начальника обратился к Военному прокурору и попросил продлить срок следствия и содержания под стражей несколькими обвиняемым, в том числе Опришко. Такое разрешение было получено, и дело «Рыбака» в числе прочих было рассмотрено ещё три с половиной месяца спустя.

И всё равно осталось оно основано исключительно на личных показаниях задержанного. Ни одного живого свидетеля не соизволил привлечь Радионов, больше доверявший своему фронтовому опыту и куда как меньше наставлениям по ведению следствия. Что ему стоило, например, если уж не поехал сам, вызвать повесткой на допрос хотя бы земляков Опришко,

например, самого Юлиана Иосиповича Пташника, у которого Рыбак, да какой там, к дьяволу, Рыбак, злейший бандеровец Ярый скрывался в декабре предпоследнего года войны, забившись от страха в дальний угол чердака во время прихода отряда «ястребков»?

Тесть, откровенно не любивший зятя за его бандитское прошлое, многое, если не всё, поведал бы следователю. Рассказал бы и о том, как этот тихонький, очень правдивый Рыбак так же скромно и доверчиво, как на допросах, глядя в лицо солдату из истребительного батальона, попросил разрешения выйти на двор «до ветра». Тот не насторожился: молодой парень сам спустился к ним с чердака с какими-то хозяйственными инструментами в руках, не ругается, не дрожит, спокойно отвечает на вопросы — наверняка, значит, не виноват ни в чём.

А потом, чего опасаться, зима стоит лютая, морозы жарят такие, что и собака из будки нос на улицу не захочет высунуть. Куда он убежит, этот клоп в лёгкой домашней рубашонке и лаптях на босу ногу? Робкий, затурканный вуйко с втянутыми плечиками никак не вязался с представлением о беглеце. Потому без опаски выпустили его «до ветру». А найти не смогли до вечера.

Пользуясь рано опустившейся в зимний день темнотой, Ярый бежал от раззявы-солдата прямо в поле, где по-звериному быстро сообразил: вон за наметёнными метелью сугробами стоят скирды, способные дать защиту от ветра и хоть минимум тепла. От околицы слышны были резкие военные команды, ругань, запоздалые крики, может, даже выстрелы. Беглец, пользуясь последним дарованным шансом на свободу, пробирался в стог, поскуливая от холода, голода, нервной горячки, полз в самую глубину, пытаясь устроить лежбище надёжнее и удобнее. Улёгся, согрелся, но не спал, вслушивался в ночные звуки, моля бога спасти его, уберечь от пули, штыка, злобных овчарок. Но погоня, видимо, если и шла, то по селу, а в поле и не подумали отряжать солдат. Под утро стихла «хуртовина». Повалил крупными хлопьями затажной снег. И под его шорох, под его убаюкивающий лепет счастливо избежавший погоны беглец сумел кое-как уснуть.

А между тем «ястребки», хотя в их рядах и встречались растяпы, в целом оказались вой-

ском устойчивым, решительным и последовательным. Позорный случай с бегством Ярого даром не прошёл, прибыло в район опытное подкрепление, начальство которого устроило крепкий разгон оплошавшему взводу. И в ту же ночь, едва рассвело, батальон «ястребков», усиленный местной милицией, советскими работниками, активистами, устремился в по-вальный прочёс неблагополучной местности. Проверяли все подозрительные места, и не зря: повытаскивали из полуразрушенных домов, хозяйственных построек, кладбищенских схронов и церковных бункеров немало «опричников», скрывавшихся от власти. У каждого спрашивали о нём, Яром. Точных данных получить не могли. И не зная истинной роли зятя Юлиана Пташника в кровавых делах, больше гоняться за ним не стали, рассудив, что далеко в безлюдной декабрьской степи он не ушёл, окошел, небось, где-то в былках бурьяна на радость волкам. А если каким-то чудом и уцелел, то доползёт до ближайшего населённого пункта и сам сдастся.

Двое суток просидел в промёрзшей копне действительно чудом спасшийся от заслуженного возмездия главарь разгромленной боёвки. (Эх, Радионов, Радионов, кому ты поверил о добровольной сдаче нашим «ястребкам», да разве такие звери сами себя отдают в руки правосудию?) Может быть, там, в степи, подыхая без тепла и еды на калёном крещенском морозе, пробиравшем до костей сквозь ненадёжную сенную труху, и нашёл бы себе Ярый законную гибель, да вновь пришло ему спасение. Вот же кому жить!..

На сей раз вытащила его с того света жена, Катруся! На коленях умолила, упросила она отца своего идти искать Ярослава в степи — чуяло её сердце, здесь он скрывается, поблизости. Бессонными ночами чудилось — зовёт он её и дочку маленькую, Наталку, прийти к нему, погибающему, на помощь, скребётся в окно, в двери, стонет... Пошли.

Поиски и привели к той копне, где, скрючившись в три погибели, лежал, помирая, обмороженный Ярый. Бредил, никого из них, склонившихся, не узнавал и прощения ни за что так и не просил. Волоком, где на закорках, где на подстеленном колушке (тесть ни к дочери, ни к зятю не подходил, шагал, не оглядываясь,

впереди) — притащила Катруся беглеца домой уже поздно вечером. На другой день отправила его через родственников в районную больницу. А сама слегла с воспалением лёгких на долгое время у себя в доме, чем вызвала новый приступ гнева со стороны отца.

Юлиан Иосипович бегал по хате, за голову хватался: «Зачем я, старый дурак, подался на её уговоры? Да лучше бы он сдох в той копне, этот бандюга! За каким чёртом я дочку родную на такие муки согласился вести?»...

Полгода выползал зятьёк из полусмерти. В районной больнице оставил девять обмороженных пальцев на ногах — последствие двух тех страшных ночей. Жалел себя. Не плакал, не выл, только скрежетал зубами, приводя в трепет всех, кто не смог заснуть в такую ночь. Потом смирился: что такое ампутация почерневших, так или иначе пропадавших пальцев по сравнению с полученной свободой и возможностью тишком-нишком возвращаться к жизни без решётки?

Вот как бы только по-умному затеряться, затаиться, чтобы ни один хвост за собой не привести? Жертвы ничего о нём не расскажут, для того и велась их ликвидация, чтобы не было ненужных свидетелей. Соратники? Кто пал, а кто жив — тот навесил на уста стопудовый замок, который только он, Ярый, вправе отомкнуть своим ключиком. Все будут молчать. И те, кто сыпанул вслед за немцами. И те, кто скрылся со своими, бандеровцами, за кордон, скорее всего, в Канаду. Кто окопался там, не имея со стороны властей никаких претензий. К ним, туда, за границу, надо будет перебираться и ему — одному или с семьёй, это уж как получится. Но пока задача — не привести за собой ни один длинный хвост, ни один нос, способный вынюхать его дымящееся разливами крови прошлое. Хороши всё же больничные ночи; лежи, закрыв глаза, думай. А днём? Можно и днём, только делай вид, что никто тебе не нужен, проходите мимо, братья и сестры, не чипайте мене, не трогайте, я уткнулся взглядом, утупился в одну точку — похожий на трезубец переплёт оконных рам — и никого не трогаю. Не трогайте и вы меня бога ради!

На первом же свидании с исхудавшей, изменившейся после тяжёлой болезни Катрусенькой он, вскользя спросив её, как себя чувствует

и тихо ли в селе (даже не поинтересовался дочкой), стал научать жену, каким образом можно подойти к председателю сельсовета. Самогон, добрый шматок сала и вскользь произнесённое упоминание о Леонтии Виннике, интенданте «Чёрных чертей», сделали своё дело, не зря так мучительно ломал голову пан референт. Печати и подписи на липовые справки легли безотказно. Приставленный к власти дидько Антон понял, как нужно действовать, и опрометчиво доверенный ему Советской властью пост сумел использовать в интересах не до конца разгромленной банды.

Голова сильрады где сам, а где через своих дружков добыл Ярому вначале временное удостоверение вместо паспорта, затем военный билет с незаметно сделанной подчисткой. Биография закоренелого бандюги Опришко после такого основательного ремонта приобрела совершенно иной вид. Ярому нечего, некого стало бояться. И он, не оглядываясь по сторонам, покидал больничные стены, пусть заметно прихрамывая и сильно опираясь на самодельный посох. (По привычке сжимая «постол» как автомат.)

Тесть — главный бухгалтер какой-то сельской торговой организации, был страшно недоволен проделками зятя. Каждый день чуть ли не вытаскивал его из дома, заставляя ехать с повинной в районную милицию. Но в ногах отца валялась дочь, Катерина: «Ой, папа, я прошу вас, не делайте этого, не гоните нас, Наталочка же ж внучка ваша, вона мала дытына, а вы слышите, что в селе говорят: кто в лесу скрывался (убивал и грабил — это называется «скрывался»?) — таких або расстреляют, або на всю жизнь в Сибирь сошлют. Шо нам тоди робить?»

Отец в ответ кричал: «Такие, как твой сатана, и распускают сплетни про Сибирь. Не бывает так, чтобы ни за что человека к стенке ставили. А заслужил — пусть получит своё, нечего всю семью в страхе держать. Придут Советы — не придут... Пусть приходят, я больше твоего поганца прятать не буду!»

И вновь рыдала Катруся, разрывая сердце старику: «А Наталочка як же, тату? И в мене ще буде ребёнок». «Зовсим гарно!» — разводил руками Юлиан Пташник. Конечно, одной дочери двух детей не поднять, а на него, старика, надежда слабая.

И размякло суровое сердце Юлиана Иосиповича, безумно любившего шуструю, ладненькую внучку. Гладил девочку по чисто вымытой, причёсанной головке, а потом, проходя мимо дремавшего, как усталый кот, зятя, презрительно сплёвывал ему под ноги: «У-у, нелюдь, трясця твоей маме!»

Ярый, понуро сидя в старой, плетённой из ивовых прутьев качалке, молчал, не огрызался, тоскливо упрекая себя: «Что же ты, атаман, в своё время не повесил этого старого хрена на тополе, за сараем? Ух, как славно бы качался гусак длинноногий! Ну, ничего, дай только мне, Боже, укрепнуть хоть трошки, расквитаюсь я, любимый тато, и с тобой...»

Ослеплённая судьба продолжала протирать руки над бандитом, однажды обманувшим её. Впрочем, почему однажды? Дважды! В первый раз — выпустив из рук «ястребков». А второй — передав в неопытные руки следователя Радионова.

Он мог бы вообще избежать наказания, да «жадность фрайера сгубила»: оглядевшись и поразмыслив, вздумал лесной брат сойти за героя Великой Отечественной, пусть и воевал не на той стороне, и оформить себе повышенную пенсию как участнику былых сражений. Только бдительная начальница ВТЭК, в прошлом фронтовой хирург, заподозрила что-то неладное в прошении истца со лъстивыми глазёнками. Послала запросы. Ещё и ещё раз поговорила с псевдоучастником, выясняя подробности, где, как, когда, при каких обстоятельствах потерял он пальчики на ногах. А затем поделилась своими сомнениями с прокуратурой, точнее с внесудебной «тройкой», определявшей кару для подсудимых.

А заваленные сотнями папок «Радионовы» рассматривали уголовные дела по отработанному сценарию. То есть, если юнак (юноша), который со слезами на глазах и соплями под носом, раскаивается, говорит, что был не мобилизован, а захвачен в боёвку насильно, но всё же формально состоял в бандитском формировании, отвешивали «пятёрку». Если таскал за плечами «гвинтивку», пусть даже, как малограмотный подсудимый говорит, ни разу из неё «не пукал», не стрелял — распишись, хлопче, в приговоре за «червонец» — десять лет. Так, мол, мы тебе и поверили, что ты в

лесу только поварихе хворост на растопку подносил да одну только картоплю чистил. Если же волчара попался на нестыковках при допросах и опознали тебя оставшиеся в живых земляки — свидетели, да и сам в чём-то проговорился — вот тебе полновесный «четвертак», то бишь 25 лет лагерей да ещё пять лет в довесок «по рогам», в смысле — после освобождения поражение в гражданских правах на такой срок. И, как поётся в известной зононской песне, марш «По тундре, по железной дороге, где мчится скорый Воркута—Ленинград. Основанием для определения наказания в основном служили только показания самих представших перед «тройкой» лиц. Так и минула бандюгу Ярого давно заслуженная пуля.

И получил он всего лишь минимум — десять лет лагерей. О своей любви к Катерине и детям — Наталке и Софийке — он нигде и никому не говорил. Знал ли вообще этот верноподданный бандеровский выкормыш такое чувство, если в нём закаменела вера в эффективность только одного из множества человеческих чувств — страх. Желательно, животный страх, от которого у человека дрожат все поджилки и он изо всех сил сдерживает себя, чтобы не рухнуть повелителю в ноги с мольбой о пощаде.

Продажный лис ОУНовской безпеки через пять лет пребывания в «местах не столь отдалённых», узнав, что Катруся вышла замуж, писал ненавистному тестю: «Она меня бросила, как бросают изношенную рукавичку. В годы войны она была мне женой, а теперь нет. У меня чуткая душа, я знаю, что ваша дочка теперь отделяет от меня и детей, приучает их забыть ридного татку, а чужого вуйку, щоб вин здох!, называть папой. Ни! Нихто, ни Бог, ни люди меня не осудят. Я с гордостью нёс, несу и ще понесу свий хрест ...»

У «драматурга» Геббельса были творения, вызывавшие к чувствам «униженного и оскорблённого славянами арийца». По-видимому, этот спектакль был хорошо знаком дружке провиднику, вот он и разыгрывал его как мог.

Ярый не сомневался: лагерная служба вправе проверять все, в том числе и его письма. И потому упорно продолжал изображать из себя без вины виноватого, оглуплённого парня, действительно нечаянно попавшего под безжалостную бандеровскую инквизицию, вынуж-

денного служить ей.

Но так тяжко носить рубище смиренного инока вольному в своих поступках бандиту! Злость распирает, душит его, злоба прорывается в письмах на волю, где в центре всё та же кровоточащая тема — уход жены. Оставив в своих посланиях рассудительный русский, Ярый переходит на гораздо более близкий ему, эмоциональный украинский язык. «Нам Биг дав драбыну, одни лизуть до горы, а друти в долину. Ничого! Вид мого ока ще ниhto не втик и вона не втече. Мои очи усюды стежать за нею, мени видомый кожний ии крок».

В переводе вот о чём пишет тестю Скуба. «Бог всем дал лестницу, только одни сразу устремились по ней на вершины, другие скромно занимают своё место в долине. Ничего! От моих глаз ещё никто не удрал, и она не удерёт. Мои глаза всюду следят за ней, мне известен каждый её шаг...»

Ярому всегда хотелось если не быть, то, по крайней мере, слыть, казаться очень умным, проницательным, мудрым человеком. Таким, которому, как Богу, все люди в рот заглядывают, впитывают каждое слово, стоит ему только открыть уста. Но не всегда, далеко не всегда удавалось окружному референту являть блеск ума, потому что из кувшина, как говорят на Востоке, может вылиться только его содержимое. А что за содержимое было в «кувшине» главаря бандитов? Злость, хитрость, изворотливость — этого добра хватало. А интеллекта, ума... Чого нема, того нема.

Ярый маску невинной жертвы носил постоянно. В письмах близким он стремится выглядеть гордым изгоем, страдающим ни за что и уверенным в том, что его искупление наказания за чужие грехи избавит от страданий большую часть человечества.

Слухи просачивались к нему в лагерь окольными путями, заставляя проводить долгие ночи, вперив глаза в потолок. Ярый знал, что многие его дружки, бежавшие в Германию, когда гитлеровский рейх затрещал и развалился, растворились в американских и английских зонах оккупации городов Мюнхена, Аугсбурга, Миттенвальда, Регенсбурга, Нового Ульма. Непостижимым образом дошли вести и о том, что в лагере военнопленных в итальянском городе Римини находится восемь тысяч вояк из

четырнадцатой дивизии СС «Галичина». Ярому было с кем здесь, под хмурым колымским небом, поговорить о судьбе этой дивизии. Прожжённые лесные волки оказались правы в своих предположениях. Через небольшой промежуток времени преступное сборище бывших палачей, замаскировав кровавое прошлое под невинной вывеской «Братство воинов 1—й дивизии», тихонько переправилось и осело в Канаде, поначалу всё ещё выжидая сигнала возобновления борьбы за самостийну Украину, а потом тихо старея, но не забывая прошлого...

Всех подробностей Ярый, конечно, знать не мог. Но он знал главное: бежавшие от советских войск, как клопы от дуста, лесные братья ещё вынырнут где-нибудь под жовто-блакитным флагом на поверхность. Значит, пока нужно быть просто ниже травы, тише воды, законопослушно отбыть свой срок под холодными «стожарами», а по освобождении немедленно искать пути перехода к своим.

Ридна ненька Украина наверняка станет мачехой, ею уже правят коммунисты, она больше не согреет своего заблудшего сына, ей теперь милее другие дети. Но путей перехода много, обдумать их нужно тщательно, без спешки, осмотрительно. Ни с кем, какое бы доверие человек ему ни внушал, не делился Ярый своим прошлым. Однажды разработанную и накрепко заученную легенду о легкомысленной связи с «Юнаками» поддерживал неукоснительно. Сам уже истово верил в эту сказку. И матери своей рассказывал в письмах о том же. Престарелая Софья Савельевна — почти слепая от выпланных слёз: её старший сын, Михаил, погиб, сражаясь в Красной армии против фашистов, а младший отбывал нескончаемо долгое наказание «не понять за что», напишет председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову просьбу о помиловании сына. Напишет не сама, а с помощью внучки, по старой памяти забегавшей в дом бабушки, несмотря на выговоры мамы.

«Мой сын стойко стал на путь исправления, — будет писать девочка под диктовку головы сильрады, в этот поздний час допивавшего свою бутылку самогона в хате Софьи Савельевны. — По характеристике начальника лагеря мой сын добросовестно работает старшим пекарем. На его совести нет преступлений перед

родной Советской властью. На коленях прошу Вас освободить его из мест заключения до окончания срока, ему отбывать в ссылке ещё пять лет. Предоставьте ему возможность на своей родине честным трудом искупить вину за несчастную молодость».

Жалостливое, трогательное письмо сочинил грамотный голова сильрады.

А наутро, проспавшийся и опохмелившийся сельсоветчик, перечитав вчерашнее своё вечернее послание, предназначенное для приостановки гербовой печати и отсылки депеши в Москву, схватился за голову: куда это я собрался писать, в Кремль, самому маршалу Ворошилову Клименту Ефремовичу такую филию? А если в органах узнают, что я за бандеровского сотенного ходатайствовал? Да меня же первым запрут, сгноят, закопают... Нет, нет, нет, не пойдёт...

И отправились закапанные материнскими слезами три тетрадных листочка в линейку вместо столицы СССР в жарко полыхающую печную топку. Долго-долго старался потом Антон Винник не попадаться на глаза всё выглядывающей его у своей хаты Софье Савельевне. Ну а где-то месяц спустя, столкнувшись с ней совершенно случайно у сельской «крамницы» — продуктового магазина — первым скинул шапку с лысой головы: «Ой, матуся, ридна, как раз до вас иду. Только весточку несу недобрую. Отклонил товарищ Ворошилов нашу просьбу».

— Як це «отклонил»? За що? А де його ответ?

— Никакого письменного ответа, сказали, не будет. Позвонили в область из Москвы, из Президиума Верховного Совета, велели УСТНО передать. Вот я, значит, и передаю. Отклонили... Там много не разговаривают...

* * *

...Ярого отправляли на новое поселение. Не одного, а с группой таких же, как он, бандеровцев. Вели колонну строим под усиленной охраной мимо соседней зоны, той самой, где отбывал свой срок (Ярый об этом не знал, не ведал) и Николай Поречный. Когда-то судьба свела их в чёрных прикарпатских лесах, а теперь устроила встречу под сиротливым северным небом. Ярый давно забыл и не вспоминал своего пленника, красноармейца-пулемётчика по кличке Задерживос. А пулемётчик мгновенно признал

в этом человеке ниже среднего роста «друже провидныка», водившего бандеровскую сотню на страшные «подвиги».

Поречный закрыл глаза, ещё раз проверяя себя, точно ли это треугольное лицо, кудловатые смуглянистые брови, немного вздёрнутый нос соответствуют облику Ярого? И память услужливо вытолкнула кадры: вот главарь идёт по лесу в гражданском пальто польского покроя нараспашку, сквозь отвороты которого видны френч с накладными карманами и топорщащиеся бутылками галифе. На ногах — высокие немецкие ботинки, на голове — чёрная суконная кепка, чуть сбита набок. Через плечо перекинут советский ППШ, а за пояс заткнут немецкий парабеллум. «Друже провиднык!» — почтительно окликает его секретарь — Буревой — и главарь довольно ощеривается, высвечивая широкую щелку между передними зубами...

Поречный не стал выдавать себя, пристально провожая глазами проходящих мимо ограждения заключённых. Но как раз в этот момент, словно для того, чтобы развеять последние сомнения Поречного, кто-то из колонны окликнул референта: «Опришко! А ну держи!» — и следом полетела к ногам Ярого плотно свёрнутая фуфайка. По характерно растопыренным рукам, всей позе «Опришко» — Поречный оконча-

тельно убедился: да, под чужой фамилией прячется Ярый, заметно изменившийся за послевоенные годы, но всё тот же главарь сатанинской боёвки «Чёрные черти». Не подав виду, стараясь не смотреть на окружающих, Поречный выскользнул из толпы и направился к начальнику лагеря.

— Передайте, пусть примет меня срочно! — настаивал Николай Поречный, встретив категорический отказ охранника тревожить начальство. Но, оценив необычность поведения заключённого, вохровец всё же уступил его настырности.

А сам потом несколько раз подходил к дверям недостижимого кабинета, пытаюсь понять, что же там такое происходит? Прошёл уже час, второй, потёк третий, к Самому вызвали начальника специальной части, потом послали машину за кем-то из прокуратуры, а Сам всё продолжает приглушённый разговор с этим эзком — Поречным, ничем особым прежде не выделявшимся в общей массе.

Видать, вправду решается там нечто чрезвычайное. Знать бы что...

Рисунки Марины Акерман

Валерий Семёнович АРШАНСКИЙ

родился в 1945 году в городе Магнитогорске
Челябинской области.

Окончил факультет журналистики
Воронежского государственного университета,
работал корреспондентом, главным редактором,
возглавлял Издательские дома в Мичуринске и Тамбове.

Член союзов писателей и журналистов РФ,
автор 21 книги художественной и документальной прозы,
лауреат премии Союза журналистов РФ
и ряда престижных литературных премий.

Публиковался в «Роман-газете», журналах «Великоросс»,
«Наша молодёжь» (Москва), «Волга-XXI век», «Подъём»,
«Страстной бульвар, 10», «Александръ» и др.

Заслуженный работник культуры РФ,
почётный гражданин Тамбовской области.
Живёт в Мичуринске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

